

Неустановленный автор

Музейная ценность

Неустановленный автор
Музейная ценность
Серия «Загадки истории»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170897

Содержание

Интермедия 1	4
Глава 1	6
Глава 2	25
Интермедия 2	35
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Автор неизвестен

Музейная ценность

Интермедия 1

Восточная Европа, 17.. год, окрестности полуразрушенного замка

Колючие ветки-пальцы промокших деревьев тянулись к мохнатым сизым тучам, которые окутали сыростью и мраком все вокруг. Казалось, никогда не будет конца дождю, никогда рыжая липкая глина не выпустит из цепких объятий старые башмаки Бьянки. Девушка ничком лежала на земле, черный плащ с капюшоном ничуть не спасал от тяжелых холодных капель, падающих молотом инквизиции на ее бедную голову. Она думала, что все хляби небесные разверзлись над этим проклятым местом.

– Помоги ему, Господи... – прошептала девушка синими от холода губами.

Башни замка, почти призрака, неясно вырисовывались в небе, они то пропадали в седых космах туч, то, словно стрелы, взмывали ввысь, пронзая купол неба. Завывал ветер, он

пронизывал Бьянку, стены замка, покрытые мхом, трепал чахлые деревца, тревожил старые вязы и дубы в аллее. Его порывы походили на стоны, будто он давно и тяжело скорбил о доблестных воинах, погибших в этих землях. Туман, поднимавшийся от земли, низко полз по мокрой траве, стараясь все укрыть, укутать, утаить печаль северного ветра.

Тяжело поднявшись, девушка откинула со лба растрепавшиеся волосы, запахнула плащ и направилась к замку. Толкнув тяжелую дубовую дверь, окованную воронеными железными пластинами, она вошла в зал. Шаги гулко отдавались в пустоте, эхо таяло в сводах потолка. С мореных балок свисали темные занавеси паутины, серые окна плакали слезами дождя и не пропускали света. Темнота сковывала движения, и страх тихо крался, проникая в самые потайные уголки души. Подняв голову, Бьянка осмотрелась.

– Тюрьма?.. Темница?.. Подвал... Подвал, о да, конечно! Он там еще быть может...

Бьянка посмотрела туда, где темнота особенно сгущалась. Сперва осторожно ступая, потом все смелее и смелее, она направилась к потайной лестнице, ведущей в подземелье.

Глава 1

Мое утро начинается у компа. Прежде чем прошлепать пятками по полу в сторону кухни, где проживает один из моих лучших друзей – холодильник, я смотрю почту. Это даже не традиция, скорее привычка, как у Антоновского кота – Угля мочалить лапой морду после обеда.

Ничего особенно интересного. Разве что результаты баскетбольного матча на энтевешном сайте порадовали. Я их ждал с таким нетерпением – думал, просто загорюсь, ведь трансляции не по одному из каналов TV не было! Но самое главное счет: о таком я даже не мечтал – разрыв в пятнадцать очков! Супер!

Поплескавшись для приведения себя любимого в норму, я выбрался из ванной, оставляя на полу мокрые следы. Ну, теперь и на кухню можно. Завтракать пришлось бутербродами с сыром и крепким кофе, растворимым, конечно, это Красильников любит молоть и варить, а мне бы что попроще. Да мне вообще не важно, чего в желудок положить, главное, чтобы сытно, ну и вкусно, разумеется!

Я пошел одеваться. Нужно торопиться на тренировку и еще за Антоном зайти, я ему вчера пообещал, а то Леня не любит, когда кто-нибудь опаздывает. Тем более мы – надежда и совесть команды! Ну, может, не только я с Красильниковым надежда и совесть, но играем мы на самом деле от-

лично и в паре, и по одному.

Кинув в сумку полотенце, минералку и сменную майку, я побежал к дому Красильникова. Странно, что он не ждет меня у подъезда. Может, проспал? Зато вечные бабульки, как часовые у Мавзолея уже сидят, а ведь еще и девяти нет. Как-то была у нас идея проследить за ними – вообще, уходят они с лавочки когда-нибудь...

– Здравствуйте, Ольга Афанасьевна! А Антон не выходил?

– Здравствуй-здравствуй! Не выходил твой Антон, не выходил... – протянула бабка нараспев и покачала головой, как фарфоровый китаец.

Я поднялся. Позвонил. Красильников открыл мне почти одетый, быстро пережевывая и глотая что-то.

– Проспал! – я сразу решил взять быка за рога и как следует отругать засоню. К тому же такая возможность бывает у меня крайне редко.

– Будешь со мной завтракать?

Вот ведь хитрюга, знает мои слабые места. И как потом на него ругаться?

– А чего вкусенького у тебя есть? – спросил я, потягивая носом воздух из кухни.

– Беляши! – гордо выпалил Антон.

Я второй раз позавтракал, погладил себя по брюшку и ждал, пока Красильников оденется. Тренировка в половине десятого.

Мы неслись к школе как угорелые и просто чудом не опоздали.

Леня, как полагается, погонял нас по стадиону пару кругов, провел разминку, и когда мы стали мокрыми, как мыши, начал отрабатывать очередные приемы.

Получалось, конечно, не сразу, но наверное, в баскетболе нет ничего такого, чему научиться нельзя. А может, я просто так заиклен на спорте. В общем, это то, без чего я пока жить не могу. Красильников тоже любит мячом постучать, но это больше на увлечение похоже. Хотя я им горжусь – не каждый в своем увлечении таких высот достигает!

Мы все выкладывались по полной программе. Не только потому, что Леня на нас слегка покрикивал. Дело в том, что после экзаменов родители посоветовались и решили сделать нам, всему классу, презент в виде поездки в Ярославль. Всего на недельку, но и это так здорово, что никто не решился отказываться. Только Светка Лоза, наша староста-отличница, не сможет поехать, она практику по языку будет проходить.

Жаль, конечно, а что делать?

Нам когда сказали про поездку в Ярославль, мы безумно обрадовались. Красильников со своей своей сдержанностью так сиял, что я думал все лампочки в актовом зале выключить – его бы одного хватило. Еще бы – уехать с другом, с классом, с Лидией Васильевной! Просто супер!

Последняя тренировка на этой неделе прошла великолепно.

но. Мы шли с Красильниковым домой. И откуда только мог появиться этот Серый – сын Бульдозера? Так не хотелось махать кулаками, но он реагирует на меня, как бык на красную тряпку. Не люблю связываться и идиотами, но пришлось. Как обычно, Серый начал нарываться на грубость, и словесная перепалка закончилась в мою пользу. Я вообще не понимаю, как человек с пустой черепной коробкой что-то может произнести.

Разумеется, он был разъярен, и первый намахнулся. Мне, видимо, очень повезло с комплекцией: худой и длинный – не так-то легко попасть. Серый промахнулся, я по сложившейся между нами традиции дал ему в глаз.

Красильников молодец, он не ввязывался, потому что двое на одного – это низко. Даже по отношению к сынку Бульдозера. В аллее появился Леня и хотел было нас разнять, но Серый, видимо, напугавшись, засверкал пятками.

– Ну что? После трудов праведных и одержанных побед в борьбе с паразитами школы пойдем на зуб чего-нибудь положим? – спросил Антон.

– Я не против.

– Конечно, ордена и королевский обед тебя в моем скромном жилище тебя не ожидают, но быстро и сравнительно вкусно накормить могу.

Во дворе Красильникова дежурство бабулек продолжалось. Баба Вера, едва заведя нас у ворот, тут же замолкла. Ольга Афанасьевна, яркий, цветастый платок которой, по-

видимому, никогда не снимался и служил ей дворовой униформой, широко заулыбалась нам вставными зубами и спросила:

– Куды собрались, соколики?

– Домой идем, – несколько смутившись сказал Антон.

Красильников пожарил картошки, залил ее майонезом с горчицей и кетчупом. Смесь, может быть, и зверская, но получилось довольно вкусно. Пока он открывал и закрывал холодильник, Уголь буквально нырял в него. Я все время боялся, что половина кота останется в кухне, а другая застрянет в холодильнике. Антон обзывался на него паразитом и попрошайкой, на что котяра почти никак не реагировал, а только истошно мяукал и тарасил желтые глаза.

Когда все было готово и мы наконец-то уселись за стол, завывания Уголька увенчались успехом, и он получил картошку, правда, без горчицы и кетчупа, но зато с половиной сардельки. Ели мы втроем наперегонки. Черный мохнатый проглот легко выиграл у двух изможденных тренировкой начинающих спортсменов и даже миску успел вылизать!

Я к финишу пришел вторым и быстренько выскочил из-за стола, потому что у нас дома действует «морской закон» – кто доедает последним, тот и убирает со стола и моет посуду. Еще дожевывая сардельку Антон показал мне кулак в знак того, что не честно, мол, так себя вести. Разбуженная усиленной работой желудка, во мне проснулась совесть, и я решил помочь другу убрать со стола. Мы быстро с этим спра-

вились и пошли играть. Запасливость и прозорливость мои не безграничны, но утром я успел кинуть в сумку новый диск с занятыми геймами, с которыми и упражнялись часа полтора. Вот уж правда говорят, что от компьютера невозможно оторваться.

Потом на обед пришел Николай Борисович – отец Антона. Он просто супер! Предложил перед поездкой в Ярославль съездить с ночевкой на рыбалку. У нас за Псковом много заливных озер, они до середины лета стоят, не высыхают. А караси там как кролики, только по два на сковородке помещаются. Только надо машину посмотреть, у него что-то с правым поворотником случилось, если мы ему поможем, то ехать можно хоть в эти выходные. Ну, ясное дело, мы тут же согласились.

– А когда проводку посмотрите, орлы? – спросил Николай Борисович.

Мы с Антоном моментально переглянулись:

– Да хоть сейчас!

Работа это не сложная, главное, чтобы руки росли откуда надо, и голова на плечах была. А все остальное – что называется, дело техники. Не зря же мы на уроки труда ходили целый год!

Пока Антон показывал отцу, что где лежит, что нужно разогревать, а от чего и в холодном виде не отравишься, я вышел во двор, осмотрелся: почетный караул бабулек на месте, значит, все в порядке. Если они когда-нибудь уйдут от-

сюда, мне кажется, Земля перестанет крутиться. Я открыл капот и начал ковыряться в проводке. Умница Уголь как приведение появился у машины, такое ощущение, что он просто материализовался из воздуха, и начал тереться о мои ноги, оставляя ключья черной шерсти на джинсах.

– Тебя же кормили или ты уже успел соскучиться? – завел я разговор с котом, пока более подходящий собеседник кормил папашу.

– Мяу! – раздалось в ответ.

Неужели он все понимает? Вот черт, никогда не видел такого кота, целого котяру. Здоровый, умный, чем-то на Булгаковского Бегемота похож.

– А я смотрю, ты себе помощника уже нашел, так что, может быть, я уже и не нужен?

– Ну и кот же у тебя, Антон! Никогда таких не видел!

– И не увидишь. Его же Клавдия Никитична воспитывала, ты же знаешь, какая она была... – многозначительно и несколько таинственно проговорил Красильников.

– Не знаю ничего я про твою бабу. Ну, то есть толком ничего не знаю. Ты же так у отца все до конца и не выяснил... Колдунья, не колдунья, черт ее знает, кем она на самом деле была.

– А что с фарой? – спросил Антон, меняя тему разговора, потому что понимал – рыбалка сейчас важнее, чем умершая двоюродная бабу, пусть даже и невероятно загадочная.

– По-моему, просто испортилась изоляция. Посмотри тот

синий провод, — я уже был полностью поглощен устранением маленькой неполадки в старом жигуленке Антоновского отца.

Так и оказалось — испортилась проводка. Мы заменили провод, и поворотник как прежде замигал нам оранжевым глазом.

Николай Борисович закончил с обедом и как раз выходил из дома. Уголь гордо вышагивал ему навстречу, высоко подняв пушистый хвост. Отец Антона очень удивился тому, что мы так быстро со всем этим справились. Скромно опустив глаза и выслушав все похвалы в свой адрес, мы не забыли напомнить про обещание съездить на рыбалку в эти выходные.

Красильников старший торжественно заверил нас, что так и будет, и послезавтра, рано утром, а, может быть, даже завтра вечером мы выйдем.

— Ну что? Пойдем мыть руки и пить чай, а то с гонками мы так и не успели, — предложил Антон.

— Мяу! — это Уголь снова очень к месту заявил о своем существовании.

— Вот чертенок! — я не переставал удивляться бабкиному коту.

Все вместе: Антон, Уголь и я вошли в дом. Пока я отмывал руки, перемазанные машинным маслом и смазкой в трудах праведных, Красильников со своим великолепным котом суежились на кухне. Ароматный чай с цветным зефиром еще больше поднял наше настроение, которое и без того оби-

тало где-то в верхних слоях атмосферы.

– Давай подумаем, что нам для рыбалки надо? И когда лучше выезжать – если после обеда, то мы на вечерний и утренний клев успеем. А если рано утром, то сам понимаешь... – я уже сидел весь в предвкушении.

– Я тоже думаю, что надо к вечеру ехать. Можем, вообще, все ночь ловить. И еще, нам палатку или спальники брать, удочки или спиннинг? – Антон тоже, судя по всему, загорелся.

После чая с зефиром мы повозились в чулане, извлекая из недр этого почти бездонного помещения все нужные нам вещи. Я даже отыскал резиновую лодку. Антон тут же захотел ее опробовать, и мы около часа пыхтели и потели, надувая ее. Наши старания были вознаграждены: лодка оказалась не только целой, но и вместительной. В ней легко могло поместиться четыре человека.

Хорошо, что до реки было не так далеко, всего полчаса. Нет, пожалуй, немного побольше, но это ничуть не убавило нашего энтузиазма, и спустя полтора часа после обнаружения лодки мы с другом уже спустили плавсредство на воду.

Как же здорово было плавать. Я совсем забыл о том, что еще утром ушел из дома, и так больше и не появлялся там. Мама от беспокойства, наверное, уже с ума сходит. Я, как ошалелый, начал грести к берегу, Красильников страшно удивился:

– Ты чего это?

– Да мне домой надо! Смотри, сколько времени уже!

Мы так быстро стали грести, что нас легко бы записали в сборную по гребле. Я думал, что брошу Антона с лодкой на берегу, а сам побегу домой, но моя совесть не дремала. Она тотчас принялась стыдить, корить и увещевать меня. Так что мы оба водрузили лодку на головы и помчались со всей скоростью, на которую только были способны. Влетев во двор Красильникова, мы бросили лодку у сарая, и я побежал домой.

Дома была мама. Она всегда за меня переживала, все родители такие. Но моя мамочка совершенно особенная – стоит мне задержаться на пару минут, и у нее уже глаза на мокром месте. Всегда так. Поэтому, когда я исчезаю из дома, то обязательно оставляю записку с запасом времени минут в тридцать. На всякий случай.

Мама нервничала. Пила крепкий кофе и сидела у телефона.

Значит, обзванивала все возможные места моего нахождения.

Судя по всему, безрезультатно.

– Юра, ну где же ты был?! Ты же знаешь, как я волнуюсь! Ушел еще утром, и все нет и нет! Где твое человеческое сознание?

Мама могла еще очень долго взывать к моему «человеческому сознанию», но оно, по всей видимости, куда-то удалилось.

Может, я и чувствовал себя виноватым, но где-то в глуби-

не души. Очень глубоко, как сказал один из киногероев. Поэтому я поспешил прервать душещипательную тираду мамы, к тому же никакого воспитательного эффекта она не имела.

– Мам, ну чего ты так, я был на тренировке, потом зашел к Антону, и его отцу нужно было помочь. Со мной же ничего не случилось! Да и вообще, что может случиться?.. – я, разумеется, не успел закончить речь в сою защиту, как мама снова напустилась на меня.

– Все, что угодно, может произойти! Ты не понимаешь! А помнишь, как ты сломал руку?

– Так это же в четвертом классе было, вспомни еще, как я в саду с велосипеда упал! – мое терпение катастрофически таяло, и я понимал, что нужно временно покинуть поле боя, чтобы сохранить дипломатические отношения с родительницей.

– Мамочка, милая моя, я больше не буду. Я буду приходить вовремя и всегда оставлять записки. Я буду звонить, если задерживаюсь. Я буду очень хорошим. Клянусь моим рыжим мячом!

Мама махнула на меня салфеткой, которая лежала у нее на коленях. Этот жест всегда означал одно и то же: уходи и не появляйся мне на глаза, пока я не успокоюсь. Ну вот и ладненько, значит, я успею собрать все нужное мне для рыбалки. И я тихонько пробрался на балкон.

Вечером мне позвонил Антон и сказал, что они с отцом решили ехать часов в семь вечера. Я рассказал о том, как

мама безумно переживала, и поэтому не знаю, что будет с моей кандидатурой завязного рыбака: могут отнять удочку и поселить в пустыне. Красильников знал, что я так домашний арест называю. Он тут же предложил выход, чтобы Николай Борисович, его отец, поговорит с мамой. Я не знал, соглашаться на это, или нет. Вот придет отец с работы – тогда видно будет.

Как только мы поужинали, я решил поговорить с папой, но война, как говорится, меняет планы. Как только мы сели за стол, мама моментально рассказала отцу, как я на весь день пропал и заставил ее глотать таблетки от давления. Я сидел насупившись, прикидывая в голове, как можно из этого выпутаться. Рассказал отцу про тренировку, но о драке ничего говорить не стал – ему не обязательно все знать. Сказал, что Красильникову-старшему была нужна наша помощь, и что потом он обещал свозить нас на рыбалку. И завтра мы решили ехать, а теперь мама со своими нервами вряд ли меня отпустит.

Все-таки у меня мировой отец. Он – не мама, нервы у него стальные, так что отец мне даже собраться помог. Осталось дожидаться следующего дня. А потом – Ярославль.

Я пошел к себе в комнату, посидел за компом, побродил по сайтам. Открыл ящик – новый адресат: UFO3@yandex.ru. Это еще что такое? На всякий случай лучше включить антивирус, мало ли чем это может оказаться. Рассылка фантастики. Вот здорово! День прошел просто великолепно, несмотр-

ря на инцидент с мамой, а про фингал серого я уже почти забыл. Так что осталось откинуть плед с кровати, взбить подушку и лечь спать.

* * *

Утром весь наш класс во главе с Лидией Васильевной собрался в школе. Мы обговаривали поездку. Что кому понадобится взять, какие документы, нужна ли провизия. Макс обозвал всю эту канитель вещмешком. Все галдели как на базаре, особенно девчонки. Кирсанова, наша прима, говорила о том, что без душа в поезде она не проживет. Лидия Васильевна ответила, что поезда с ванными и соляриями пока, к сожалению, не ходят, и если Кирсанова хочет, то может подождать такой, а потом догонит нас в Ярославле. Всем было весело, а Светка так расстроилась, что даже смотреть жалко.

Мы с Красильниковым поспешили ото всей этой компании побыстрее отделаться. Не то чтобы нам это было неприятно, напротив, просто Ярославль замаячит на нашем горизонте только через три дня, а рыбалка с отцом Антона уже сегодня вечером. Никому ничего не сказав, мы внимательно выслушали и написали все то, что от нас требовалось. На моей совести или под мою ответственность была отдана видеокамера. Значит, будет возможность попробовать себя в качестве оператора.

Супер! Я об этом мечтал!

Еще часов в пять я пришел к Антону, и мы, как сумасшедшие, начали перетряхивать рюкзаки друг друга. Надувная лодка вместе с насосом, что немаловажно, стояла у входной двери.

– Насос – это хорошо, – заметил я Антону, – а то в прошлый раз почти час щеки дули.

Убедившись, что все необходимое и он, и я взяли, мы пошли немного побомбить «Стратегию», тем более, что еще не успели в полной мере насладиться этой игрой. К тому же мы – противники, достойные друг друга, а это добавляет остроты любой игре. Разложив бутерброды с сыром вокруг компа, мы начали сражение.

В шесть пришел с работы Николай Борисович. Он сказал, что уже заправился и даже взял на всякий случай канистру бензина, и если мы его быстро накормим, то он переоденется и – можно выезжать.

Пока Антон кормил отца и складывал провизию, я перенес все вещи в машину. Уже через каких-то полчаса мы выехали из города. Отличная компания, вид за окном и погода возносили меня буквально до небес. Это было так здорово, что я думал: а можно ли быть счастливее?

Мы приехали к озеру, но машину оставили метрах в ста от берега. Николай Борисович попросил меня помочь ему с палаткой, а Антон отправился за дровами для костра. Потом мы спустились к самой воде и закинули наши удочки.

Озеро было глубоким, а его вода, казалось, была из чер-

ного стекла: удивительно, как только грузило пробивает его?

Стрекозы садились на поплавки, а когда рыба начинала клевать, они взлетали, замочив лапки. Я боялся, что какая-нибудь из стрекоз не успеет вспорхнуть вовремя и останется в черной воде, как в капкане.

Всю ночь мы удили рыбу и загадывали желания на падающие звезды. Ну и пусть, что может не исполниться, зато это так красиво. И немного торжественно, когда летящий по черному бархату неба огонек исчезает за верхушками сосен.

Наш улов удался: и караси, и красноперки, а Красильников поймал очень приличного леща. Мы подумали, что наловить рыбы для Уголька еще успеется, а потому из всей нашей добычи решили сварганить себе шикарный завтрак – уху и жареную рыбу. А как без этого на рыбалке? Что поймал, то и съел.

Пока Антон кашеварил, мы с его отцом пристально, даже неотступно, как сказал наш главный повар, следили за котелком. То ли на запах, то ли по великой случайности (озеро было достаточно далеко от населенных пунктов), к нам на дымок пришел парнишка, наш ровесник, судя по виду.

У него была отличная удочка и ведро с весьма скромным уловом. «Не рыбаки», – подумали мы с Антоном, но в слух не сказали ничего. Меня почти что насмерть съедало любопытство, а Красильников, вообще, тонкий психолог, никогда просто так ничего не ляпнет. Про таких говорят – шпион.

– Утро доброе! – поприветствовал нас незнакомец.

И ведь именно поприветствовал! У нас так говорят только в общешкольном активе на собраниях Зои Александровны. Разве нормальный парень будет здороваться? Мои мысли раскинулись до Китая, я просто не знал, что и думать о нем. А вот Антон совсем не потерялся:

– Весьма доброе! – скопировал он мальчишку и даже точно так похлопал ресницами.

Я чуть не покатился со смеху, и наконец нашелся сам:

– Позавтракать с нами изволите?

Еще немного, и Николай Борисович поперхнулся бы, он не так давно меня знает, но, по-моему, мой словарный запас ему известен, а я тут такой финт ушами отколол!

– Если вы, конечно, не против, то я бы с великим удовольствием присоединился. Меня Евгением зовут.

Актер из меня никудышный, я только про драки соврать могу да и так, только кое-где приукрасить, поэтому не стал больше ломаться и хлопнул его по плечу:

– Женька, значит. А я – Юра.

– Николай Борисович Красильников, – представился отец Антона.

– Красильников-младший. Зовут – Антон.

Знакомство состоялось, и мальчик, слегка поколебавшись, сел рядом с нами. Я порылся в своем рюкзаке и отыскал ложку для нашего гостя. Женька робко придвинулся к котелку, но не спешил приниматься за ароматную уху, от за-

паха которой просто слюнки текли. Мы с Антоном уписывали так, что сторонний наблюдатель наверняка решил бы: их не кормили с прошлой осени.

– Женя, не заставляйте вас упрашивать, а то эти двое, по всей видимости, на перегонки едят. Кстати, может быть, мы все перейдем на «ты»? – предложил Николай Борисович.

– Да, конечно, – сказал наш новый знакомый и отправил в рот первую ложку Антоновской стряпни.

Повар перестал жевать и так пристально смотрел на гостя, что я подумал – дырку он на нем просмотрит точно. А Евгений медленно, с несвойственной для поглощения пищи задумчивостью, глотал уху.

– Ну как? – не выдержал Красильников.

– Очень вкусно, просто великолепно для ухи в походных условиях. Думаю, что за все время пребывания в Псковской области, вкуснее завтрака у меня не было.

Антон засиял, как начищенный пятак и спросил:

– А ты разве не из Пскова?

– Нет, к сожалению, хотя город и его окрестности мне весьма и весьма нравятся. Я бы хотел провести здесь все лето, но мои планы не всегда совпадают с моими желаниями.

«Вот это завернул, – подумал я, – ему только очков не хватает».

– И откуда же ты, Женя, к нам приехал? – поинтересовался Николай Борисович.

– Из Ярославля. Я прохожу обучение в спецшколе, где

каждый из учеников получает задание написать труд об одном из старейших городов России. Я решил выбрать Псков и область – у них богатейшая история.

– Я мы классом через три дня едем в Ярославль! – я, наконец, решился поучаствовать в разговоре.

– Это просто замечательно! – обрадовался Женя. – Я думал уезжать в первых числах, но могу перенести отъезд на двадцать второе и вернуться вместе с вами.

– А что ты будешь делать до отъезда? – спросил Антон.

– Отдохну на озерах, посмотрю город. Моя работа, в принципе, закончена. Осталось только проявить фотографии.

Мы с Красильниковым переглянулись. Мальчишка нам понравился.

Все-таки удивительно, до чего быстро иногда можно сойтись с людьми! А ведь бывает, что всю жизнь живете в одном дворе или учитесь в одной школе и на дух друг друга не переносите.

Жизнь – странная штука.

Весь день рыбачить не получилось, потому что мы постоянно болтали с Женькой, а рыба шума не любит. Так что наловили столько, сколько затребовал Антон для заливного с расчетом на прожорливого Угля. Смотрели удочки, упаковали палатку и решили возвращаться. Только вот что делать с новым знакомым не было понятно. Николай Борисович поинтересовался, как он добрался до озера. Женька сказал, что автостопом. Мне это жутко понравилось: такой парень! По

нему не скажешь, что он на поездку автостопом может решиться, это же в голливудских фильмах, где все хорошо и гладко.

Антон, судя по всему, испытывал такие же чувства. Мы оба были рады состоявшемуся знакомству. Красильников-старший узнал у Евгения, не хочет ли он вернуться с вместе нами. На что тот ответил, что это просто идеальный вариант.

Я заулыбался – дорога домой будет веселее. К тому же Женька поразительно много знает, а мне безумно нравятся люди, которые знают больше, чем я – всегда есть чему поучиться.

Уже в городе Николай Борисович и Антон предложили нашему новому товарищу остаток дней в Пскове провести у них. Он, опять же, согласился и пообещал быть нашим гидом в Ярославле.

Глава 2

Мне вдруг в голову пришла отличная мысль. Наверное, так всегда по утрам бывает. Я, как обычно, у своего компа сидел, просматривая почту. Из рассылки фантастики я получил рассказ Варшавского «Молекулярное Кафе». Это здорово! В электронном варианте у меня его еще не было, да и вообще, Варшавский один из моих любимых писателей. А мысль мне в голову пришла такая: а что, если Женька поедет с нами в одном вагоне или даже в одном купе? Родители брали билеты так, чтобы все вместе были, значит, в нашем вагоне мест уже нет. Но ведь Светка Лоза не едет, а этот как раз одно недостающее место.

Осталось уговорить Лидию Васильевну разрешить Женьке ехать с нами.

Я стал набирать номер Антона. Длинные гудки. Интересно, чего это он не берет трубку? Дозвонился наконец!

– Привет, это Гислер! У меня идея! – выпалил я.

Но Антон, видимо, еще спал и просыпаться не торопился, вместо этого промычал в трубку:

– Какая идея?..

– Чтобы Женька с нами в вагоне поехал. Здорово?!

Моя радость и запал ничуть не подействовали на соню:

– В каком вагоне?... – все еще сонным голосом спрашивал меня он.

– Ни в каком, – я уже начал терять терпение, – сейчас приду, а вы пока просыпайтесь.

Меньше чем через полчаса я сидел на кухне у Красильникова и растолковывал ему, почему мы должны пойти сейчас к Стрижевой, то есть нашей классной даме. Наконец-то до него дошло, и Антон согласился, что идея великолепная. Женьке тоже все понравилось, только он переживал, не строя ли она у нас. Как могли мы убедили его во всех добродетелях, которыми только обладала Лидия Васильевна.

Позавтракав, мы вышли во двор погонять мяч, потому что было еще слишком рано. Караул из двух бабулек восседал у соседнего подъезда – баба Вера смотрела на нас немигающим взглядом, а Ольга Афанасьевна поправляла платок.

– Это она для Женьки прихорашивается, – пошутил я.

Но и он молодец, легко отпарировал:

– Это потому что ты ей уже надоел, сколько ни корми тебя пирожками – бесполезно: не в коня корм.

Евгений чинно поздоровался с ними, потом мы вышли и направились к Лидии Васильевне. Она, как мы и предполагали, оглядела нашего нового друга от макушки до пят, поинтересовалась нашим знакомством и, в конце концов, дала свое согласие.

* * *

Шумный и яркий вокзал Пскова встретил нас великолепно.

ным сообщением, что их поезд задержится на пятнадцать минут.

Невнятный механический голос смолк, и слава Богу, потому что его все равно никто не понимает. Только увеличиваются шумовые эффекты, которых здесь и так предостаточно.

Только на здесь, на вокзале, я по-настоящему осознал, что уезжаю из дома. Конечно, всегда есть плюсы и минусы, их даже, как правило, бывает одинаково, но сейчас я видел исключительно приятные стороны. Здорово, даже отлично, ведь так редко удастся по-настоящему попутешествовать.

Единственное, чего мне жалко, это тренировки. Ну никак не хочется лишать себя рыжего мяча! Впрочем, на рыбалке мы нашли прекрасную компенсацию этому – Женьку Салина.

Отличный тип! Люблю таких.

Наш поезд наконец прибыл на перрон. Длиннющий хвост вагонов долго грохотал и отфыркивался, от него пахло жарой, а в воздухе носилось что-то авантюрное, даже не могу объяснить что. Мы стали загружаться. Отцы носили вещи: сумки, чемоданы, корзинки с бутербродами, сардельками и пирожками.

Хотя Лидия Васильевна все время говорила, чтобы мы захватили с собой минимум вещей и ни в коем случае скоропортящиеся продукты.

Мама стояла бледная. У нее были «нервы» еще утром – я

видел, как она пила валерианку. Мне было так жалко ее, вот остался бы, и все! Но ведь договорились же с классом, такие поездки, может, один раз в жизни бывают.

Прошло время стоянки, проводница в синей форме стала поторапливать отъезжающих, я чмокнул маму в щеку, пообещал ей, что со мной все будет в порядке, улыбнулся отцу.

* * *

Ярославский вокзал встретил нас мигающими табло, которые показывали время и температуру воздуха. Они были такие большие, что их заметили абсолютно все. Наш новоиспеченный гид тут же пояснил:

– Эти таблоиды поставили пару лет назад. Они стоят по всему городу, не только в центре, но и на окраинах, причем выверяли даже нахождение каждого, чтобы в одном районе не было скопления.

Я, наверное, никогда не спутаю Ярославль ни с одним другим городом России – везде сплошные приставки «ЯР»! А сами ярославцы довольно любопытны. Мы сели в автобус, и он повез нас в гостиницу, где после поезда мы планировали отдохнуть и разработать программу развлечений.

Женя помог нам зарегистрироваться и поехал домой, пообещав появиться на следующее утро. В номере мы поселились с Антоном и Максом. После того, как все сумки были разобраны, я решил позвонить домой, чтобы сказать, что у

меня все в порядке, и мы доехали удачно. Я снял трубку, набрал номер.

Приятный голос сообщил мне: «Вы воспользовались услугами ЯрТелеком».

* * *

Утром Салин, как и обещал, приехал к нам в гостиницу. Все собрались в нашем номере и обсуждали, куда же пойти. На повестке дня был МакДоналдс, музей старинных музыкальных инструментов, набережная, театр и радиостанция, правда, Женя сказал, что не сможет одновременно пригласить весь класс. Мы очень заинтересовались и даже чуть-чуть расстроились, что все сразу «не поместимся».

– Я считаю, – начала Лидия Васильевна, – что мы непременно должны посетить музей и театр. Я буду просто настаивать на этом.

– Наш Ярославский театр, старейший в России, и здание красивое. Я надеюсь, что вы выразите желание посетить первый театр?

– Ну, если только потому, что он первый... – нараспев сказала Кирсанова.

Я не захотел спорить и настаивать на МакДоналдсе, все равно мы туда пойдем. Зато высказался за музыкальный музей:

– Женя рассказывал, что там инструменты, которые сто

лет назад были сделаны, к тому же на них и поиграть можно! Чего тут раздумывать, у нас же целая неделя, так что все успеется, а если мы все время спорить будем...

Лидия Васильевна не дала мне закончить:

– Думаю, что нам нужно согласиться с Юрой, и не стоит далее продолжать эту нелепую полемику.

– А может быть, сначала пойдем ради... – попытался переменить решение Макс, но классная наша классная дама не дала ему закончить. Правда, сделала она это абсолютно тактично.

– Максим, мы уже приняли главный план относительно развлечений на сегодня. Давай позже рассмотрим твое предложение.

На этом и решили.

Музей находился достаточно далеко от гостиницы, и мы поехали на автобусе. Я не ожидал, что Псков так похож на Ярославль – все старые двух- и одноэтажные дома во всех городах одинаковы.

Музей был просто великолепным. Красильников все время что-то спрашивал то у Женьки, то у Стрижевой. Оказывается, что Лидия Васильевна интересовалась историей старинных музыкальных инструментов, особенно клавиесинами, и много могла рассказать. Когда весь класс вошел в вестибюль, поднялась такая суматоха, что две служительницы, обе в круглых очках и с высокими прическами, которые все школьники называют «вшивый домик», прибежали на шум.

– Это что такое?!

– Откуда вы взялись?!

Да уж, судя по всему, ярославцы не особенно гостеприимны.

Наконец, справившись с шоком, одна из них опустила очки на самый кончик носа так, что, казалось, они с него вот-вот спрыгнут, и спросила:

– Это внеплановая экскурсия, я полагаю?

– Добрый день! – начала Лидия Васильевна. – Мы пришли на экскурсию, вернее даже приехали из Пскова и, к сожалению, не знали, что следует записаться заранее...

Все наши притихли. А Макс так вообще, как вкопанный стоял, будто он мумия фараона Тутанхамона, которую в вестибюле забыли. Наверное, надеялся, что, может быть, вместо клавиринов, контрабасов и арф мы в МакДоналдс пойдем.

– Ну что вы, думаю, все уладится, и ваш приезд не будет напрасным. Я попрошу вас немного подождать и не шуметь, по возможности, – проговорила служительница, и ее брови постепенно ползли вверх.

Удивительная тетка: кажется, все с ее лица хочет убежать куда-то.

Я переговаривался с Красильниковым насчет того, откуда надо осмотр начинать. Антон говорил, что надо просто идти впереди всего класса, я же уговаривал уйти ото всех: девочки привяжутся и будут надоедать, к тому же не дадут по-

пробовать поиграть. Как обычно, начнут ныть: «Пусти меня, пусти меня!»

Как в подтверждение моих слов, к нам направилась Журавлева, все обвешанная штукаами «на удачу», астральными проводниками и прочей белибердой. Я, конечно, к Еве несколько предвзято отношусь, но за то, что она по латыни понимает – уважаю.

– Вы с Женей по музею ходить будете? – спросила она.

– Да, а что? – я привык с девчонками вопросом на вопрос отвечать.

– Да так... – Ева, видимо, не нашлась, что ответить.

– Хочешь присоединиться? – в один голос сказали Салин и Антон.

Пока мы болтали, Лидия Васильевна увещевала класс не шуметь и иметь хоть немного совести. Народ частично прислушался и стал вести себя так, что волосы, вставшие дыбом на голове второй тетки, опустились. Я был горд за ребят, не представляю, чтобы кто-то кроме Стрижевой мог нас успокоить.

Наконец-то появилась вторая служительница, которая беседовала с нами. Рядом с ней шел высокий и невероятно худой бородатый старикашка, я про себя дал ему название «Хотабыч».

Хотабыча звали Романовым Олегом Владиславовичем, и это был наш экскурсовод. Он поправил пенсне, обвел нас взглядом и сухим и дребезжащим голосом сказал:

– Ну что ж, племя младое и незнакомое, начнем наше путешествие в стране музыки и истории?

Мы вначале притихли – не ожидали такого приветствия, потом промямлили бесцветное «Здравствуйте» и пошли за ним.

Я никак не ожидал увидеть такое количество экспонатов и совсем забыл про камеру, которую мне поручили. Ева толкнула меня в бок, мол, чего ушами хлопаешь, начинай съемку. Я вопросительно посмотрел на Лидию Васильевну и нажал кнопку «REC». Пока мы гуляли по залам, Хотабыч ни на минуту не замолкал, что-то увлекательно рассказывая, даже Кирсанова забыла про свое зеркальце.

Женька уже подключился к классу, Красильников тянул меня в первые ряды, но как-то не очень хотелось. Я позвал его:

– Антон!

Он нехотя отстал от Романова с его рассказами и подошел ко мне:

– Чего хотел?

– Возьми камеру, давай одни пошатаемся? – предложил я.

– Ну, давай, только потом. Знаешь, как здорово рассказывает!

Я понял, что Антон не составит мне компанию и даже не пытался его уговаривать, просто отдал камеру и пошел в другой зал. Меня туда как магнитом тянуло, не знаю почему.

Просто как будто кто-то влажно нашептывал в ухо: «Юра,

идем со мной, идем со мной...» А куда идем, не говорит, но и так все понятно. Я завернул за угол, слышались легкие крадущиеся шаги. Может Красильников передумал? Обернулся – никого. Значит, просто показалось. Картины на стенах жили своей жизнью, но у меня было ощущение, что они сопровождают меня, указывают, где и куда нужно свернуть. Я прошел несколько залов, шаги гулко отдавались в прозрачном, пропитанном стариной воздухе. И тут я увидел его!.. Глаза буквально вырвали его из всего музея. Я понял, что сюда стоило приехать уже только из-за него.

Интермедия 2

Остров в северном море, 12.. год, подножие гор

Что есть мир, что есть вселенная? Это бrenно, как все вокруг, кроме этих древних гор, подпирающих своими вершинами своды поднебесной, кроме вечного солнца, и заката, опаляющего медовым маревом все вокруг. Во времена зарождения мира и порядков, которые существуют и правят людьми и поныне, когда законы смертных и непоколебимые границы измерений еще не отделили человеческий мир от другого, загадочные существа странствовали по юной планете.

Однажды на восемнадцатый день апреля, когда все льды стояли и сбежали хрустальной каплей в прозрачные горные реки со студеной водой, из-за северной вершины Кэйнмэйк пришло облако, заслонившее и нежный розовый восход, и закат, отливающий золотом и пурпуром. Облако опустилось и висело над вершиной совершенно недвижимо. Дикие черные лебеди кружили над ним, покуда поднималось солнце. Так в царстве хаотиков стал знаменоваться рассвет.

Повелитель Эван возглавлял величественное шествие, растянувшееся по подножию горы, конца ему не было видно.

Воины, закованные в серебро и золото, терялись в густых

зарослях леса. Император осветил факелом свод пещеры, летучие мыши с писком полетели прочь от палящего огня, Эван вошел, и воины последовали за ним.

Тронный зал был узким, он помещался в самой глубине пещеры, где не били живительные родники, куда не проникал спасительный луч света. Мрак и сырость царствовали в его сводах. Озеро, обложенное зелеными тусклыми камнями, делило залу на равные половины. Воды его дымились, наполняя все вокруг запахом соли и подводной травы. От зеленых камней исходило слабое свечение.

Помост, на котором возвышался трон, отдававший лиловым холодом, был устроен на груде камней. Магистр в черном одеянии занимал агатовое кресло, на его подлокотниках нашли свое прибежище каменные тролли с мохнатыми ушами. На лапе одного из них лежала тяжелая рука Магистра позолоченная перстнями.

Эван направился к нему. Он чинно ступал по слюдяным плитам зала и звуки его шагов гулко отдавались от каменных стен и повисали в воздухе.

– О Магистр, – молвил Эван. Я повеливаю носителями многих титулов, но склоняю свою голову у колен твоих...

– Знаю, путник, чего жадешь ты... Ты будешь и далее властителем земель своих и тех, кои не поминаются ни в манускриптах, ни в одах Всевышнему, но даровать тебе бессмертие было б жестоко.

– О, маг!...

– Не мыслишь ты, как надобно, глупец!.. Исчезни!..

Каменья подземного озера сверкнули, ослепили дерзкого повелителя и вся процессия продвигавшаяся сквозь лесные кущи начала медленно таять. Кони, дамы, рыцари, превращались в клубы сизого дыма, стелились по траве, обращались пением птиц, повисали прозрачной росой в призрачной красе северных гор.

– Ну что же? – голос Магистра разбил стеклянную тишину зала. Хотел бы я знать кто посмеет оспорить мое решение?

Он встал, глаза тролля сверкнули зеленым огнем, черные бархатные одежды зашелестели вслед.

– Янгус! – гремел глас Магистра.

От стены темного зала отделился маленький скрюченный человек, рыжий клочок волос закрывал правый глаз, пятна на лице, скрывали его выражение.

– Величество...

– Хочу знать о манускрипте Хранителей. Мне виделось, они преемников себе искали. Юнцов. Было это далеко впереди.

Столетия, страны, города летели...

– О да, Магистр...

– Решение их принято и законно?

– Не решено, Магистр, покуда Ваше слово не звучало...

– О равновесии дбра и зла судить хотели без меня?

– Вас ждали...

– Мир рухнул бы, нельзя склонить чаши весов, ведь Мы

не вечны – Хранители, Хаотики уйдут. Всевышний не дал Долорес права. Альфредо не посмеет чрез порог познания преступить.

– О да, Магистр...

– Я должен видеть их...

– Пожалуйста, сюда, Магистр...

Маленький уродец семени шел к озеру. Он снял синий перстень с левой руки Магистра и бросил его в туманные воды озера. И тот час столб воды взметнулся ввысь.

– Они?! – в голосе Магистра возмущение рокотало громом.

– О да!

– И вновь они? Вот это трио?

– Вы правы Маг! Антоний, Юриус и Эва...

– Не быть тому. Добра не будет больше, чем можем сотворить мы зла. Не быть. Довольно, Янгус!

Глава 3

Я стоял потрясенный, ошарашенный. Не знаю, как это получилось, но я уже не принадлежал себе. Даже странно. И еще я очень напугался, потому что никогда такого раньше не было. Когда с тобой происходит нечто невероятное помимо твоей воли, а ты к тому же можешь понять, что именно!

Кажется, я весь покрылся мурашками, и ладони стали влажные и холодные.

Я медленно пошел к нему. На невысоком постаменте передо мной стоял весь в позолоте клавесин. Белые-желтые клавиши из слоновой кости показались мне горячими, когда я дотронулся до них. Высокий дребезжащий звук разбил прохладную тишину зала. Я оглянулся. Нажал еще одну. А потом мне почему-то захотелось сыграть «Собачий Вальс». Ну не знаю, чего это меня так сподобило! Я тогда волновался, вдруг кто-нибудь услышит. Стыдно – скажут: «Такой верзила, и „Собачий Вальс“ играет!». А я, может, ничего другого и не умею.

В общем, это клавесин произвел на меня такое впечатление, что я обо всем забыл. Как маленький, стоял и нажимал все клавиши по очереди, как будто ноты на вкус пробовал. И тут, когда я уже прошел четверти три, между ними что-то блеснуло.

Так холодно, как звезда, тогда, на рыбалке. У меня от

удивления чуть глаза не выпрыгнули.

Осторожно нажал еще одну клавишу, раздался какой-то низкий звук, и я мизинцем прижал прозрачный камушек на тонкой длинной железке. Аккуратно вытащив ее полностью, я стал рассматривать свою находку. Белый камень в окружении светло-зеленых и сиреневых, маленьких, словно осколки.

Длинный стержень, на котором они крепились, был по толще цыганской иголки и остро заточенным на конце. Это я выяснил, когда легонько до него дотронулся. Тут же на моем указательном пальце выступила круглая, как бусина, капля крови.

Я сунул эту иголку в карман, бросил прощальный взгляд на клавесин, который вдруг показался мне старой рухлядью, и пошел догонять класс.

Хотабыч все так же увлеченно о чем-то рассказывал, кивал на портреты и пейзажи, развешанные на стенах. Ребята хлопали глазами и старались поближе протиснуться к механическому пианино. Олег Владиславович позвол всем немножко поиграть, после чего экскурсия гуськом отправилась дальше.

Я догнал Красильникова и положил ему руку на плечо:

– Ну как?

– Отлично!

Я ничуть не сомневался, что он именно так и скажет. Дальше мы все осматривали вместе, и играть пробовали вме-

сте: он, потом я – все вместе. Я был очень рад, что у меня есть такой друг, но что-то внутри царапало меня и было как-то нехорошо. Только я никак не мог понять: почему именно.

* * *

Вечером я поделился с Антоном своей находкой.

– Как тебе программа Хотабыча?

– Какого Хотабыча? – удивился Красильников.

– Да экскурсовода, – я забыл, что не поделился с другом своей ассоциацией.

– А он и правда на него очень похож. Понравилась, конечно, а что?

– Просто мне кажется, что я время в музее провел с большей пользой, чем вы все вместе взятые...

– Это ты к чему клонишь? – хитро прищурился Антон, – Рассказывай, пока я приготовлю чего-нибудь на зуб положить, – попросил он.

И тут я, ни слова не говоря, достал из кармана иголку с камнями.

– Вот это штука! – присвистнул Красильников. – Где ты ее взял?

– В музее, – скромно ответил я.

– Стянул?!

– Издеваешься? – тут пришла моя очередь удивиться. – Чтобы я что-то украл?!

– Да не кипятись ты, я просто не ожидал такое увидеть.

– Понятно – не ожидал. А что ты хотел? Чтобы я рояль или контрабас из кармана достал?! – продолжал возмущаться я.

Мы поняли, что нам обоим нужно помолчать и остыть. Я на повышенных тонах ничего объяснить не могу, а он ничего понять не в состоянии. Поэтому мы не придумали ничего лучше, чем сидеть и жевать бутерброды.

В комнату зашел Макс. Он-таки ходил в Макдоналдс. Ну и настырный же тип.

– А вы уже едите! – вместо обычного «Привет!» сказал он.

– А ты, судя по всему, уже сытый, – ни с того ни с сего огрызнулся я.

– Садись с нами, если хочешь, – предложил Антон.

– Не-а, после чизбургеров колбасу и кетчуп как-то не очень хочется.

– Ну и все, свободен, значит, – продолжал сердиться я.

Макс удивленно посмотрел на нас, пожал плечами и вышел.

– Ты чего? Он-то тут причем? Зачем на него напускаться надо было? – Антон как с цепи сорвался.

– Ага, на него, значит, нельзя! А на меня – пожалуйста! Спасибо!

– Юрка, ты чего? Зачем все в штыки воспринимать, я просто удивился, чего это ты на всех набрасываешься...

– Я набрасываюсь?! Это я-то?!..

– Ну не будем же мы ругаться? Ведь даже повода не было!

Я встал и налил себе крепкого кофе. Хорошо, что Антон додумался захватить кипятильник.

В дверь постучали. Красильников пошел открывать.

– Вы пойдете ужинать? – спросила Журавлева, появившись в темном прямоугольнике открытой двери. И тут же скользнув взглядом по нашим физиономиям, добавила:

– Что-то случилось?

– Да нет, ничего, – быстро соврал Антон.

– Значит, случилось. Мне еще про вас сон какой-то мерзкий всю ночь снился. Я думала, что вы в музее что-нибудь эдакое выкините... А у тебя, Гислер, вообще день сегодня отвратительный, потому что Юпитер противостоит Марсу.

– Все-то ты знаешь! – съязвил я.

– Все, не все, а знаю, – обиделась Ева.

– Тут у Гислера есть кое-что, но он не говорит... – Красильников посмотрел на меня и осекся на полуслове.

– Просто есть одна штука, но я не знаю, что это такое.

Какая-то иголка, украшенная цветными стекляшками, – вдруг ни с того, ни с сего выпалил я.

– Дай посмотрю, – сказала Ева, про ужин она, по всей видимости, совсем забыла.

Я достал иголку, которую с появлением Макса предусмотрительно убрал в карман, и протянул Журавлевой:

– Смотри...

– Вот это да! – прошептала она с восторгом, – это же изумруды и аметисты! Откуда у тебя такая прелесть?

– Нашел, – ответил я без особого энтузиазма, потому что знал – не поверит.

– Как это нашел? Где? – вопросы из Евы так и сыпались.

– В музее. Только не говори никому. А то знаю я вас, девчонок, – тут же все разнесете.

– Я? Чтобы я кому-то сказала? – обида и недовольство тут же нарисовались на ее лице.

– По-моему, ей вполне можно доверять. Она никогда нас не подводила, – встал на ее защиту Антон.

– Так, с камнями ты разобралась, а вообще, что это за штуковина, знаешь? – хотел все до конца выяснить я.

– Это булавка для галстука, – спокойно сказала Ева, – полагаю, вещь довольно дорогая, и скорее всего, старинная.

Поэтому я, собственно, и удивилась – откуда у она тебя.

Я понял, что теперь эти двое от меня не отстанут, и придется рассказать все, как было. Неожиданно для себя я рассказал все быстро и даже внятно, только опустил историю с «Собачьим Вальсом», может, одному Антону я ее и поведал бы, а вот Еве...

– Это неспроста, – подумав, сказала Журавлева.

– Ну уж не знаю. Но какая-то загадочная история... – поделился своими мыслями на этот счет Антон, – и что теперь с ней делать будешь?

– Не знаю, – вздохнул я, – может, вы чего посоветуете?

– Самое простое, что мы можем сейчас сделать – это выяснить ее ценность, а потом видно будет. И то, придется ждать,

когда в Псков вернемся... Где мы тут антиквара найдем? – предложила Ева.

– А Женька на что? – сообразил Антон.

Снова раздался стук, и я так же машинально, как и в первый раз, убрал булавку.

– А, вот вы где! – Лидия Васильевна обнаружила, что мы не пришли на ужин. – Вы есть собираетесь? А то внизу все уже расходятся.

– А вкусно? – поинтересовался я.

– Даже очень.

– Тогда идем, – решил Красильников и посмотрел на нас.

Мы поднялись и пошли с совершенно непроницаемыми лицами за Лидией Васильевной. Ужин прошел быстро, нам некогда было расслаживаться: если бы с самого начала не опоздали, тогда не пришлось бы торопиться.

* * *

Когда мы проснулись, утро уже вовсю гуляло по нашей комнате. Оно впустило веселых солнечных зайчиков сквозь синие занавески, и они желтыми пятнами подрагивали на полу.

На сегодня была запланирована экскурсия в театр. Первый театр в России посмотреть, конечно же, следовало. Но и загадочная булавка терзала мои мысли. Я встал, очистил полость рта от ночевавших там микробов, умылся и шатал-

ся по комнате в поисках одежды. Не знаю почему, но никак не могу воспитать в себе привычку складывать все в одном месте.

Проснулся Антон:

– Я придумал, что мы с булавкой делать будем, – начал было он.

– Тихо ты! – шикнул я на Красильникова. – И вообще, почему ты решаешь, что с моей булавкой делать?

– Ничего я не решаю, просто хотел предложить...

– А кричишь чего? Хочешь, чтобы Макс все услышал?

– Да не кричу я ничего, – оправдывался Антон, – ты сейчас и то шумишь больше.

Максим заворочался на кровати, потянулся, покрывало тут же съехало и он, не успев его поймать, – видимо, реакция по утрам у него плоховата, начал зевать и потягиваться.

– Чего, уже одеваться надо? – все еще позевывая, спросил он.

– Да, одеваться и паковать чемоданы, а потом бежать на вокзал за билетами в Псков, – я был зол на Макса – он никогда ничего не знает.

– Как в Псков?

– Да вот так! Говорю же – собирай чемодан, конец каникулам.

– Да не слушай ты его, – Красильников, как всегда, придерживался дипломатической линии в отношениях с кем угодно, кроме меня, – одевайся, сейчас пойдем вниз на зуб

чего-нибудь положим. А тебе, Гислер, нечего с утра настроение всем портить.

– Это я, значит, настроение всем порчу? Какой я, оказывается, нехороший мальчик, – я буквально из себя выходить начал, что называется, «из кофты» выпрыгивал. – Чего ты меня вечно одергиваешь, подрасти сначала...

Не знаю, зачем я сказал про рост, ведь знаю же, что Антон всегда подрасти хотел и завидовал моим аршинам, но так, «белой завистью». Просто вдруг показалось, что он мной командует во всем и всегда. А это кого хочешь из себя выведет.

Они оба смотрели на меня с ошарашенными физиономиями.

– Ну чего вы на меня уставились? Первый раз видите? Я – Гислер Юрий Валерьевич. Надеюсь, что ума быстро это запомнить вам хватит.

Макс с Антоном переглянулись так, как будто меня не было, – ну, увидели что-то и переглянулись. А я вроде и не здесь, пустое место, и все.

Первый раз так мерзко утро начиналось. Я взял ветровку и рюкзак и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

– Юра, ты завтракать пойдешь? – крикнул мне вдогонку Антон.

– Спасибо, я вами наелся, – крикнул я и, не дожидаясь лифта, побежал вниз по ступенькам.

Обида душила меня. Ну почему он так? Ведь я первый, кто оценил его по-настоящему, когда он перешел к нам в

школу. Я первый показал ему город, когда узнал, что он приехал из Волгограда. Может, я и зря вспылел, только Красильников сам виноват, не надо было так ко мне относиться. Обиделся я по-детски глубоко, а это хуже всего. Такое быстро не проходит.

В фойе гостиницы я столкнулся с Журавлевой. Она уже облазила все окрестные магазинчики в поисках астрологической литературы, если это вообще литературой назвать можно.

– Ты куда? – спросила Ева. – Еще и завтрака не было...

– Да меня уже накормили... – нехотя ответил я.

– А, Антон! Хорошо ты с ним устроился!

Это меня уже окончательно добило, и я не выдержал и сказал все, что думал про Красильникова в тот момент.

– Все так серьезно? Ушам не верю. А я-то думала вы – друзья, не разлей водой, как говорится... Хочешь погулять? – неожиданно предложила она.

– Да мне все равно... – неопределенно махнул головой я.

Тут что-то больно кольнуло ногу. Аж искры из глаз посыпались. Может, даже не столько больно, сколько неожиданно.

– Что случилось? – Ева моментально среагировала на мое изменившееся лицо.

– Ерунда. Пойдем лучше, раз предложила.

– А я и не отказываюсь.

Позабыв о том, что Лидия Васильевна будет очень пере-

живать – ведь она за нас головой отвечает, мы шатались по Ярославлю. У Евы был с собой фотоаппарат, и мы фотографировались.

Потом, как будто что-то вспомнив, она внимательно посмотрела на меня:

– А где вчерашняя булавка?

– С собой, в кармане, а что?

– Можно на нее еще раз взглянуть?

– Пожалуйста, только что это тебе даст?

– Может быть, конечно, я и неправа, но подозреваю, что это бриллиант, – сказала Ева, постукивая ноготком по самому большому прозрачному камню.

– Это? Быть не может. Откуда на клавишине взялась бы булавка с бриллиантом? Шутишь, что ли?

– Понимаешь, такая прозрачность бывает еще у цирконов, но уж слишком он переливается. Хотя, может быть, это из-за огранки.

– Ты хотя бы представляешь сколько это стоит, чтобы так запросто лежать на экспонате в музее? Приходите и берите! – не унимался я.

– Я, конечно, не специалист, но пару-тройку четвертых пентиумов, мотоцикл и пожизненную аренду баскетбольной площадки ты на эти деньги легко устроить сможешь. А вот к антиквару эту штуковину отнести нужно обязательно, если ты ее, разумеется, у себя оставить планируешь.

Удивительно, что девчонкам иногда стоящие идеи в голо-

ву приходят, а то кажется, будто они все время только про косметику всякую думают. Но и Ева, надо отдать ей должное, не совсем обычная девчонка. Так сказать, улучшенная и дополненная версия.

– Значит, ты предлагаешь искать специалиста по антиквариату... – задумчиво проговорил я, – а где ты его тут найдешь?

– Ну не знаю... Может, Женя знает?

Точно, и почему я сам не додумался! Вот уж точно улучшенная версия.

– Только у меня в гостинице остался его адрес. А вообще, он говорил, что где-то на Республиканской живет... Поищем?

– Просто так идти по улице? Мне кажется, он придет в гостиницу, чтобы отвести класс в театр. Мы же собирались с Лидией Васильевной. Но они, наверное, уже ушли... – предположила Ева.

Я взглянул на часы:

– Половина одиннадцатого. Собирались к двенадцати. Так что мы еще можем успеть и перехватить Салина у входа. Будем возвращаться?

– Это идея, – согласилась Журавлева.

Дорогу до гостиницы мы нашли без труда, поскольку фотографировались во всех симпатичных местах, и основные пункты наших остановок быстро вспоминались. От маршрута мы с Евой отступили только раз – около симпатичного

кафе, потому что есть прилично хотелось, а желудок музыкально урчал на разные лады.

Чипсы, фанта и мороженое на сладкое вполне удовлетворили наш аппетит, и мы пришли вовремя: Салин как раз входил в фойе.

Я, рискуя попасться на глаза Стрижевой, побежал за ним.
– Женька!

Он оглянулся.

– Привет, Юра, а что, все уже готовы?

– Нет, но нам нужна твоя помощь.

– Кому это вам? – не понял он.

– Мне и Еве. Помнишь ее?

– А, русоволосая девушка-астролог?

– Точно.

– И какая же помощь вам нужна? Насколько я помню, мы договаривались сегодня днем смотреть театр, а потом в парк.

Что-то изменилось?

– И да, и нет. Это не объяснишь быстро. Ты можешь сказать Лидии Васильевне, что не сможешь отвести класс в театр?

Женька задумался:

– Я должен подумать... Это нехорошо, ведь мы же договаривались. И ваша классная дама рассчитывает на меня. И к тому же я не знаю, что у вас за дело... Может быть, ты мне все-таки расскажешь...

Я беспокорно теребил цепочку на джинсах. Оно и понят-

но – волновался же. Как ему все сказать? И вообще, можно ли довериться? Пусть я и поругался с Красильниковым, но ему я доверял, а Женька... Кто его знает, какой он на самом деле?

Я почувствовал, что мне жутко не хватает Антона, но с другой стороны, обида на него все еще не проходила. Я с надеждой посмотрел на Еву – может быть, она что-то придумает? И, словно прочитав мои мысли, умница Журавлева сказала:

– Знаешь, Женя, когда людям нужна помощь, им ее обычно дают или не дают, а не расспрашивают, что и зачем. Если хочешь помочь, пойдем сейчас к Лидии Васильевне. Ты объяснишь ей и ребятам как добраться до театра, а сам пойдешь со мной и Юрой.

– Но ведь Стрижева не физрук, у нее голова на плечах есть, и она сразу заподозрит, что здесь нечисто... – выразил я беспокойство.

– Не создавай проблемы там, где их нет. Ты вернешься в комнату и скажешь, что у тебя болит живот, и в театр ты не пойдешь. А если все будет нормально, то присоединишься к классу в парке. Я останусь с тобой, потому что нехорошо бросать больных в полном одиночестве.

Я пораился Журавлевой. Вот это голова! Неплохо было бы с ней совсем подружиться. Конечно, всем и так кажется, что я, Антон и Ева – друзья не разлей-вода, но на самом деле я Журавлеву почти не знаю.

– Здорово, Ева! – искренне восхитился я.

– Ну, здорово, не здорово, а другого выхода я пока не вижу.

Женька с изумлением смотрел то на меня, то на Журавлеву. Оно и понятно: видок у нас был еще тот – заговорщики почище Максвела и Опа. Так что понятно чего у него глаза как блюдца стали.

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь... – начал было Салин, но Ева его тут же оборвала:

– Это, Женечка, потому что тебе еще ничего не объяснили, а когда мы тебе расскажем... – тут она выразительно посмотрела на меня, – если, конечно, расскажем, то все будет очень понятно. Ну что? Идем к Срижевой?

Не знаю, был ли Женька напуган, но радости и удовольствия на его лице не замечалось. Если напуган – это плохо. Трус тут не поможет. А что я бы на его месте делал?

Я тихонько проскользнул в свою комнату, а Ева и Салин пошли к Лидии Васильевне. Как-то тревожно за них было. Но беспокойство вмиг вытиснилось новой стычкой с Антоном.

– Ты куда пропал? Я всю площадь оббегал... Волновался.

– По-моему, ты – не моя мамочка, и поэтому мог не бегать и не волноваться. Нервные клетки не восстанавливаются.

Я забрался под одеяло и сделал страдальческое лицо, рассчитывая на скорое появление классной дамы.

– Тебе плохо? – спросил Антон.

Ага, значит, лицо «действует» – подумал я и сказал:

– Лучше не бывает. И еще, я вполне могу обойтись без твоих забот.

– Как хочешь... – обиделся Красильников, – а с булавкой что решил?

– Не твоего ума дело... – не знаю, чего это я на его так огрызался. Может, был все еще обижен. Я вообще, по-детски обижаюсь. Мама говорит, это – нервы. Не знаю, по-моему, это – характер, кто-то обижается меньше, кто-то – больше.

– Тебе не нужна моя помощь? – спросил Антон.

– Мне от тебя вообще ничего не нужно... – я не успел закончить, потому что в комнату вошла Лидия Васильевна.

– Доброе утро, мальчики! Юра, Ева мне сказала, что ты плохо себя чувствуешь. Это правда?

– Угу, – простонал я и чувствовал себя последним подлецом, обманывая Стрижеву. Она ведь всегда меня в школе выручала, да и вообще, она просто замечательная женщина. – У меня живот болит. Мы с Евой ходили аптеку искать.

– Все понятно. Я принесу но-шпы, а в театр ты, судя по всему, не пойдешь. Но ничего, надеюсь, после завтра все будет в порядке, потому что мы взяли билеты на спектакль.

Поэтому постарайся выздороветь. Кто останется с больным?

Красильников вопросительно посмотрел на меня. Я отвернулся, – дескать, ты мне не нужен.

– Антон, ты не останешься? – спросила Стрижева.

– Если Юра не против...

– Красильников очень хотел в театр попасть, – соврал я, – пусть лучше Ева останется.

– Журавлева? Ну как хочешь, – сказала Лидия Васильевна, попрощалась и вышла из комнаты.

Я уже хотел было вскочить и сплясать от радости зажига-
тельную цыганочку с выходом, не от того, что провел класс-
ную даму, а что все получилось. Но тут Лидия Васильевна
вернулась.

– Юра, может, врача вызвать? Я очень волнуюсь. Вдруг
это что-то серьезное, а не обычное недомогание? А если в
поезде ты подцепил инфекцию? Нет, пожалуй, было бы вер-
хом легкомыслия оставлять тебя здесь только с Журавлеве-
вой, не проконсультировавшись с врачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.